

**Николай
ШАДРИН**

г. Курск



17 июля

рассказ

Накурили — хоть топор вешай. Поначалу брало любопытство и даже задор, но теперь всех будто мыло изнутри, ломало судорогой. Приспело время, настал час. Теперь не отвлечённые вопросы вроде: «А сможешь, если понадобится для революции?» Нет: «Вперёд, товарищ! Уже сегодня!» И выходит, что ещё не очень-то и готов. То есть семья ещё пьёт чай; царь делает какие-то физические упражнения. Царевны вызвались помогать на кухне оладушки печь — а Юровский с Петром Ермаковым уж смотались в Коптяки. Наметили место. Старые заброшенные шахты. Побросать туда, завалить колодником — ни одна сволочь не докопается.

— Так как же? — опять завёл разговор Ермаков. Хоть Юровский прямо объяснял: в постелях и кинжалом! Чтоб без шухера. Но исполнители при этом переглядывались да поджимали губы. Оно и в самом деле, одно дело нажать на спуск и совсем другое — колоть невинную девушку. На это способен не каждый.

Кудрину (псевдоним, настоящая фамилия — Медведев) досталась Татьяна. Стройная. Походящая на мать.

За окном моросило. Всё приобрело оловянный, лаковый оттенок. С листьев слёзно капала вода. У крылечка — лужа. Часовые во дворе жалелись, втягивали голову в плечи.

— Не развезло бы, — кивнул за окошко Юровский.

Люфанов, шофёр, прищурился на ползунице по небу лохмотья облаков, ничего не сказал.

— А вот Бог, — встрепенулся Кудрин, — может, так же смотрит на нас да и думает: «Этого я в конце месяца приберу. А вон того, молоденького, — к сентябрю поближе».

— Мишаня богом заделался!

— А что? И я могу решать: в сердце её садануть или под пупок. — Смешного в этом, конечно, немного, но красные рассмеялись. Коротко так. Для бодрости.

— Так чем же всё-таки? — пристукнул кулаком по столу Ермак.

И опять посмотрели на Юровского. Тот хмурился, молчал.

— Из наганьев хорошо: хлоп, хлоп — и аля улю!

— Шуму много! — огрызнулся комендант.

— А мы их в подвал! — обрадовал Кудрин.

— Мотор можно завести, он трубой стреляет, — подал голос за огнестрельный исход и Люфанов.

— С нагана шесть пуль всажу за пять секунд, а с ножом намаешься. То в кость, то в артерию свистанёт, обольёт с ног до головы! — обвёл товарищей взглядом. — После первого удара ручка вся в крови, как в соплях, — не удержишь. — Палачи даже слегка побледнели при последнем откровении Кудрина.

— А? — толкнул Ермаков коменданта.

— ... на! — прокричал тот. — Нужна будет похоронная команда — у тебя народ готов?!

— Можешь считать, готов.

Юровский выругался: белые войдут не сегодня завтра — не испугалась бы дружина! Если поймут причастного по этому делу, каждую косточку в тебе изломают и голову оттяпают тупым топором.

— Не заминжуются! — заверил Ермаков. — Не такого десятка ребята! — и тут же: — А стрелять всё ж таки легче! Чур, я — самого!

Опять заспорили: кому бить царя, кому царицу.

— Посмотрим! — Не нравился Юровскому настрой команды ликвидаторов — разлюли малина! Здесь нужна дисциплина, чтоб каждый знал своё дело, и не абы как, а чётко и без разговоров!

— А вот ещё, — заинтересовался Кудрин, — у них драгоценности там, перстни — их-то как...

— Хватит болтать! — рявкнул Яков Михайлович. — Чтобы и не слышал от вас! — и, дождавшись должного внимания, смягчился, — будем стрелять. Каждый бьёт своего, как договорились.

Все встали, поправили ремни.

— Надо собрать наганы, чтоб у каждого — по паре. Их одиннадцать. Значит, и нас должно быть не меньше. Чтобы: хлоп — и вверх ногами! И не рассусоливать! — Строгий тон командира заставил подтянуться. Обвёл поделников взглядом. — На дело являться трезвыми! — прикрикнул на Ермакова. — Чтоб не дрожали руки в нужный момент! Ясно?

— Вроде бы ясно, — отозвался обычным своим тоном Кудрин.

— Не «вроде бы», — гаркнул Юровский, — а как я сказал! Никакой самодеятельности! Ясно?!

На это ответили уже более стройно.

— Да не нажирайтесь, а то...

— Что? — не понял юный Никулин.

— То! Желудок должен быть пустым!

— А-а, — дошло. И опять, но уже совсем поновому переглянулись. Невесёлый предстоял им вечерок.

Никулин с Кудриным взялись играть в шашки, чтоб хоть как-то убить время.

— Мы с Гришкой пока в пешки надрачимся, а вечером — в шахматы: королеву с королём!

— Тише вы! — скосоротился Юровский. — Чтоб ни одна сука не узнала!

Поначалу время тянулось нудно. И всё будто жила какая в тебе беспокоится — хочется потянуться руками и ногами, и всем телом. Так бы, кажется, и выскочил из себя самого. Сначала Кудрин выигрывал без помех — тюремная практика. Но Никулин, парень ушлый — всё хватал на лету, освоил «таран», «кол» и уже заставлял чекиста задуматься.

Однако и пешки надоели. Подались в дом Попова, напротив, «придавить клопа». Кудрин, прошедший огни и воды, никак не мог заснуть. Вроде навалится дрёма, и оглохнут уши к звукам, и уж поплыл в страну мрака — будто током тебя дёрнет: «Сегодня! Таню Романову!» — и судорога в животе, и сна ни в одном глазу. А Никулин хоть бы хны! Дыхание глубокое, ровное. Не всхрапнёт, сволочь. Какие ребята идут на смену. С чугунными нервами. Такие убьют — и не перекрестятся.

Наконец как в яму провалился. И, уж засыпая, слышал шёпот: «Бери Марию, она самая красивая!» На этом и уснул. Однако выспаться не дали! Охрана получила жалованье и, как водится, перепилась. Устроили дебош. Кудрин вскочил, дал одному в рыло и пинками под задницу вытолкал вон. Сон после этого слетел окончательно.

Позвали на обед. Почему-то хорошо его запомнил: картофельный суп с мясом, фрикаделька с картофельным пюре и оладьи к чаю. Значит, то же самое съел и гражданин Романов. Но успеет ли переварить свою фрикадельку, вот в чём вопрос. После обеда на перекуре подошёл Медведев (однофамилец) Пашка, спросил, правда ли...

— Иди к Юровскому, — строго оборвал, — задай этот вопрос ему и скажи, что я на него тебе ответа не дал! — Медведев стал извиняться, Кудрин отмахнулся, подался досыпать.

На этот раз явился сон как-то вдруг, будто окунулся в чёрную ночь — ни сновиденья, ни побудок. Проснулся с ощущением позднего утра. Выспался прекрасно. И паническая мысль: «Опоздал!» Вскочил — никого... Что такое? Бьёт в окно румяное солнце. Неужели кончено?! Да как же?! Почему не разбудили-то? С сильно застучавшим сердцем выскочил на улицу.

На проходной не пускают. Требуют пароль. «Неужели правда?! — Даже слеза обиды подкатилась. — Да как же? Целую ночь!»

— Какой пароль?! — попытался взять нахрапом.
— Я правая рука Юровского!

Тот передёрнул затвор. Пришлось отступить. В соборе редко, напевно зазвонил колокол. Или вечер? Или утро?! Далеко на улице кричат:

— Лудить, паять, кастрюли, ведра чиним!

«Да неужели же правда опоздал?!» — даже пот прошиб. Но и непонятно: жалеть или радоваться, что не явился на расстрел. «Да нет! Разбудили бы!» Но он знал, что с человеком случиться может что угодно. И единственно, что волновало до трусу — угроза угодить самому под расстрел за уклонение от выполнения приказа вышестоящего начальства. Полез за кisetом...

— Ты что? — Никулин! Гришка! И так-то обрадовался ему. По выражению лица ясно, что ничего не случилось...

— Вон, пароль требует...

— А! «Трубочист», — сказал Гришка в полный голос. — Айда, там твоя играет! — И, выплюнув в лицо часовому «трубочиста», прошли на территорию, в ДОН.

Из комнаты коменданта широким, неудержимым половодьем — звуки рояля. Вообще-то Кудрин не любил такую музыку, больше забирали плясовые, под гармошку.

За роялем Мария. Живая. Но как же? На него разверстали Татьяну. Это же ведь во сне кто-то предложил Машку. А откуда это знает Никулин? Мария, странно прямо сидя на табурете, порхала пальцами туда и сюда — и лилась мелодия. Тоскливая и светлая. Будто дорога... трудная, грязная, всё в гору, в гору — и вдруг открывается долина! Вся залита солнечным светом, и родимый домик у реки. И собачка выбежала встретить, дрожит от радости. И старая мать...

— Гляньте! Плачет! — закричал дурным голосом Гришка.

Кудрин по-собачьи оскалился, хотел обложить пацана матом, да неудобно перед царской дочкой. А она так и полыхнула счастливым взглядом, бедная. Вышел, спустился во двор, долго бродил по садику. А лето-то вызрело: на ранетке обозначились ягоды. Скоро побелеют, а там и краснеть начнут. Но, как поют беляки: «Не для меня придёт весна, не для меня Дон разольётся». И, когда закрывал глаза — опять и опять играла цесаревна Мария. Которую суждено... И даже закалённое в революционных делах сердце чекиста говорило, что это нехоро-

шо. Не Бог ли упрекнул сном? Не хотел ли удержать от участия в паскудном поступке.

Но вместе с тем шевельнулось в его красной душе и какое-то новое самодовольство: «Моя!» Ведь никогда, ни при каких обстоятельствах не получить бы ему такую. А теперь она — его! Больше, чем могла принадлежать жениху, любовнику и мужу! Она — абсолютно его! И будто чёрные крылья вырастали за спиной, и чувствовал себя каким-то другим, несокрушимо могучим! По крайней мере, частью сильного, непобедимого. «Я для неё — бог! Царская дочка — и она моя!» И такой восторг из души — будто чин генерала получил. Вот вам и «Кудрина Сопля!». Ведь по всей стране не было невесты желанней этой златовласой девушки — а Мишка Кудрин на законном основании её сегодня прибьёт как шелудивую суку! И это расплата за обиды! И уже торопил желанный час, когда можно будет разрядить в неё свой шпалер. И странно становилось, что колебался! Сейчас, наоборот, хотел бы задушить её голыми руками, изорвать её сочный рот пальцами. Сам не замечая, хохотал дурным смехом: гы-гы-гы! Будто напился вдрызг. Но вот задумался о чём-то, сел на деревянную лавочку между двух берёзок. Положил ногу на ногу, согнулся к остро торчащему колену, и даже казалось, грыз своё колено, как собака.

После дождя похолодало. С Исети дул свежий, нагоняющий дрожь ветерок. В небе беспорядочно летали, выкрикивали своё имя стрижи. Всё как всегда... но с востока идут офицерские полки добровольцев, и, значит, надо как можно скорей делать то, на что решились.

Дом молчал. Не слышно пианино. На окнах железные решётки. Зачем их прибывали? Неужели бояться, что царь с царицей и неходящим их сыном выпрыгнут в окно, убегут к Войцеховскому? Заставь дурака Богу молиться, он лоб разобьёт.

Между тем обычные городские звуки смолкли. Пал час тишины. В воздухе ещё мельтешили мушки. Ныли комары. Солнце скрылось за домами.

Но если белые прорвутся? Например, с незащищенного севера? Это ж парой рот можно взять город. А время будто в грязь увязло, буксуют часы, буксуют минуты, буксуют и противоборствующие стороны. У тех и других всё неоправданно осторожно, вяло, через пень-колоду.

И опять принимался ходить вдоль забора по садику, чавкая сапогами на сыром месте. Из дома к калитке и обратно сновали красноармейцы — Медведев хлопнул себя по груди, показал большой палец. Значит, взяли в расстрельную команду. И куда лезет, дурак.

Смеркалось. Зелень темнела, а жёлтые и белые цветы точно засветились сами собой. Низины дышали стужей. С прогретых солнцем полей ещё веяло теплом, вкусным запахом хлеба.

Из дома выскочил Юровский. Посмотрел на закат, на часы. Приблизился быстрым шагом.

— Ну что? Маешься? — заговорил как с малышом. — В тире стрелял? Щёлк — и приз! И твой долг перед революцией исполнен. Имя вписано в историю золотыми буквами!

— Скорей бы уж. А то...

— Не спеши, коза, все волки твои будут. — Но и сам-то железный Юровский подрастерял бычью уверенность: осунулся, взгляд бегаёт. — Ничего, — сказал сиплым шёпотом. — Встанешь против своей Марии... Я первый — и вы не робейте! Наган в порядке?

— У меня кольт.

— Вот и хорошо, вот и хорошо, — как бычка оглаживал по спине, — всё хорошо. — И когда ушёл обратно в ДОН — будто кто засмеялся над ухом: комендант-то тоже про Марию! А ведь раньше сам назвал Татьяну! Что это? Нечистый правит в этом доме?

Постепенно стемнело до того, что листья сливались в чёрную массу. А облачка на небе ещё серебристо-белые. Птички молчат. Принялись стрекотать, точить свои ножички кузнечики.

Окликнули из золотого проёма двери!

Повалили из дома люди.

Юровский собрал команду, повёл в комнату на первом этаже. Кабанов и Медведев улыбаются. Как позже выяснилось, взяли их по необходимости: двое латышей отказались стрелять в царя. Юровский об этом никому не сказал, чтоб не сеять сомнений в правоте революционной необходимости. Вошли в комнату. Чистенькая. С недавно наклеенными обоями. Пахнет пустотой и кладовкой. Постояли всей командой у стены. Вынимали оружие, направляли на противоположную стену.

— Ну, вот! А ты, Машка, боялась!

Кудрин вздрогнул, обернулся на Никулина. Рожа лоснится довольством. Да ведь и у само-

го-то на душе полегчало! Будто сделали полдела. Медведев тянет револьвер из кармана — зацепился курком — все уж «отстрелялись» — а он дергает, не может вытащить. С такими боевиками и петуха не убьёшь.

Опять разошлись. Ждали какого-то сигнала. И Ермаков, сволочь, где-то провалился с грузовым аппаратом. Дело срывалось. Наверно, начальство передумало. Повезёт царя в Москву. Чтоб, когда окружают со всех сторон, — выдвинуть ультиматум: «Давайте коридор — или расстреляем семью». А не так-то и глупо. И опять отлегло от сердца, и даже повеселела честна компания: выказали верность коммунистическим идеалам — а делать-то ничего и не пришлось! А те, латыши, что отказались, наверно, локти кусают!

Свет в царских комнатах погас. Легли их величества спать.

— Что, Грихан! — толкнул подручного, — по домам!

Тот посмотрел удивлённо.

— Стреляем, — заверил. — Сегодня.

— А куда их денешь?! — рванулся из души задиристый вопрос.

— В погреб, — и зубом цвиркнул. Поужинал, подлец. Не боится ничего.

Но вот уж стемнело до того, что выступила Кассиопея всеми звёздами. И Большая Медведица. Летом ночи, конечно, не так темны, как осенью, но... если уж делать, так пора бы.

Наконец-то после полуночи заурчал мотор, явились Люфанов с Ермаком. Оба крепко под градусом. Такое дело — а они... И начальство молчит. Уж издёргались все. Думали: вот начнётся! Но нет. Опять тянут кота за хвост.

Сели за шашки.

Прибежал Голощёкин — и сразу орать! Почему до сих пор ничего не готово? То есть почему не убита царская семья. Что ж... раз надо — то... И опять судороги и нервная зевота. Встанешь на ногу — а она под тобой так и прыгает.

Серёга Люфанов спросил, не нужна ли помощь? Втемяшилось сдуру испытать себя на крепость пролетарского духа: «Хоть посмотрю!» Юровский отмахнулся.

Пошёл будить царя.

Команда собралась в саду.

Ночь — только красные огоньки папирос да бледные пятна лиц. Медведев принялся выхватывать и вскидывать револьвер — прогнали куда

подальше. В окнах дома опять зажётся свет. Кудрин слышал, как у кого-то в темноте стучат зубы. Все волнуются, всех ломает...

Толкнули в плечо:

— Давай! — Он и не понял сначала — оказалось, принесли водку. Завёл стеклянное горлышко в рот — и заплясало на зубах. Обычно «шла» ему плохо, а здесь сделал три больших глотка и не поперхнулся. Закусывали хлебом. В голову мягко стукнуло, разбежалось кипятком по жилам, стало весело и спокойно. Давно бы так!

— Ну, что они?! — и сам удивился твёрдому тону своего голоса.

— Зубы чистят! — засмеялся Никулин.

— Пуль-пуль ваш цар, — сказал латыш, закинул голову — и освещённая косым светом из окна перевёрнутая бутылка воссияла как памятник уходящей династии. После, правда, решили, что латыш сказал не «ваш», а «вайс» — что означало «белый» царь.

И опять протягивают, по второму заходу:

— Дёрни для храбрости!

— А я не из трусливых! — Отвага уже распирала его революционную грудь, пострадавшую от старого режима. И отсюда время побежало. Не успели закурить — зовут! Пора вести царей в подвал! И всё-таки, будто задохнулся каждый, что-то замерло и затрепетало под ложечкой, и перестало биться — но миновала минутка, застучало шибче прежнего красное сердце! И пришла невесомая лёгкость, ловкость движений. Пора! Ноги как пушинку вознесли вверх по лестнице. Там семья уже в сборе. Царь взглянул внимательно. Что-то сказал.

— Да-да, вниз! — ответил Юровский. — Здесь опасно.

Кудрин смотрел на сестёр: которая из них? Не перепутать бы. Да вот она, русская красавица. Она играла на рояле. Отыгралась девочка. И подняла голову навстречу — взгляд такой ясный, невинный, приветливый — резко отвернулся и пожалел, что выбрал её. «Зажмурюсь и порешу», — успокоил себя.

— Пошли-те! — приказал Юровский, и застучали подошвы по ступеням мимо чучела медведя. Вышли под звёзды. И слышно, как вздохнула семья. Меньшая что-то сказала Марии — засмеялась глубоким грудным голосом. Последний раз в жизни. Видно, как Настя срывает белый цветок, и он проплыл в воздухе ночной бабочкой и

сел на голову весёлой княжны. Восток уже алел. С той стороны доносился гром...

Вошли в комнату. Их поставили у стены. Царь держал на руках больного сына. Какую-то минутку все молчали. Опять тянули.

— Это здесь и сесть не на что, — выставила нижнюю губку царица.

Кудрин уж думал: вот Юровский выстрелит. Ведь уже всё готово! И царица выпала ему! Но тот сказал: «Да». И услужливая тень — Гришка Никулин тут же выскочил из комнаты. Остальные бестолково толкались на месте. Кудрин потащил было свой тяжёлый кольт из-за пояса — не решился. Надо вместе.

Похоже, что Гришка убежал и больше не вернётся.

Царь внимательно посмотрел на Кабанова. Кабанов несколько раз кивнул в ответ. Улыбка фальшивая, ехидная. Но царь ничего. Не обиделся.

Гремя стульями, ввалился Никулин. Принёс два. На один царь посадил больного сына. Другой заняла царица. С недовольным лицом оправилась платье. Взглянула на солдат. Последний раз капризничает, бедная. Латыши стали чуть сзади, шахматным порядком. Кудрин чувствовал, что сосед наелся чесноку и, конечно, тоже выпил. «Не отстрелил бы мне ухо...» Тот коротко подмигнул, отвернулся и стал смотреть мимо с таким видом, будто здесь совсем посторонний и не имеет никакого отношения ни к арестованным, ни к палачам. Семья всё ещё не подозревала ни о чём. Ей сказали, что возможен налёт анархистов и нужно переждать ночь в подвале. Настя что-то шепнула Татьяне — лицо той исполнилось света, но она нахмурилась и покачала головой.

Наследник при спуске, наверно, потревожил ногу и теперь никак не мог найти удобного положения. И здесь же вертелась, становилась на задние лапки, едва ли ни честь отдавала, собачка. Глаза из-под стариковских бровей блестели умом и весельем. Гришка наклонился, стал делать ей «козу» — за спиной у него крепко зажатый револьвер. Кажется, только старшая Ольга что-то почувствовала, взгляд тревожно перебежал с одного на другого, оборачивалась на всякий звук, как загнанная козочка.

И наконец Юровский заговорил своим тяжёлым голосом. Кудрин повернулся боком, высвободил и отвёл пистолет. Другие тоже зашевели-

лись. Лицо государя дрогнуло, глаза засверкали — он что-то спросил — Юровский брызнул в ответ огнём и громом!

И обрушилось, и захохотало слева и справа! Гришка, выбросив руку, ударил прямо в мраморный лоб Алексея!

Анастасию ранило под грудь — тряся плечами, как в цыганской пляске, оседала, оседала. Где-то рядом чудился хохот. И уже валились, только Мария привидением стояла меж ними — и Кудрин тоже разрядил кольт. Выстрелы в закрытом помещении гремели оглушительно. Плыл дым, застилая комнату серой пеленой. Ещё видно, как девочки ломаются под ударами пуль — и продолжался жуткий танец с фонтанами крови, смертная пляска. Они сгибались, корчились, подпрыгивали, падали и замирали.

— Стой! Поднять оружие! — крикнул Юровский.

Стрельба прекратилась.

Мария, белая, неподвижная и прекрасная, как древнегреческая статуя, лежала в чёрной луже на полу. Кто-то ещё шевелился, тех с хрустом кололи штыками. Кудрин вышел на улицу. Первое, что бросилось в глаза — Медведев. Согнувшись до земли, с утробным рыком, икая и пуская слюни, — освобождался. Кажется, он ни разу и не выстрелил. (Позднее многие, желая получить персональную пенсию, рвали на себе рубахи, уверяли, что именно они убили Николая.)

Работал двигатель, подносило сладким нефтяным дымом.

Из тьмы выступил Шая.

— Что?! — схватил за руку. — Как? Да?

Кудрин не ответил. Ему тоже подкатило, перекрыло глотку — и толчками пошло! Шая Исаевич оказался не брезглив, хлопал по спине и негромко хохотал:

— Всё? Конец? Собакам собачья смерть?

— Ага, — утробно выдохнул чекист. Набрал воздух, высморкался.

Мимо пробежал какой-то человек, запутался в кустах.

— Что это? — оглянулся Голощёкин и тут же опять схватил за руку. — Всё кончено? Убиты?! Да? — Чекист кивал и ничего не мог выговорить. — Вы свидетельствуете?!

— Ага. — С содроганьем отфыркивался Кудрин. Трясло, как с перепоя.

— Я ходил по улице, слушал. Громко стреляли! — По интонации получалось, что самое важное в операции — ходить вокруг дома и слушать. А расстрельная команда выполнила приказ плохо: демаскировались! Утратили товарищи бдительность, не соблюли конспирацию.

И оба замерли от ужаса — в доме кто-то зарыдал... надрывно, со всхлипами. Выл.

— Это собака, — выругался товарищ Шая Филипп. — Собака!

Только собаки и оплакали в ту ночь августейшую семью и русскую династию.

□

Николай Иванович ШАДРИН

родился в 1947 году в дер. Бирюса Красноярского края.

Окончил актерский факультет Дальневосточного института искусств.

С 1977 года — актер Курского драматического театра им. А. С. Пушкина.

Прозаик.

Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Москва», «Север» и др.

Автор ряда книг, в числе которых «Там, в краю далеком...» (1989),

«...А люди в нем актеры» (1993), «Надежда — жизнь» (2002),

«Китеж-град» (2002), «Бог простит» (2003),

«Без царя» («Le Temps des Troubles», 2004, издана на фр. яз. в Париже).

Лауреат Всероссийского конкурса им. В.Шукинина (1999),

Всероссийского конкурса «Российский сюжет»,

В 2010 г. — премия журнала «Москва» за повесть «Небо в алмазах» и пр.

Член Союза писателей России.

Живет в Курске.

